

© 2021

Людмила Иванова

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: iva-lusa@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА АКТИВАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Статья посвящена анализу состояния современного российского общества в контексте задачи выхода из экономической стагнации и запуска механизма экономического роста. В статье рассматриваются: возможности мобилизации человеческого капитала в нашей стране; общественные настроения и их динамика; институциональная структура российского общества, позволяющая реализовывать принципы солидарности и согласования интересов в рамках тех или иных добровольных союзов и ассоциаций. Автор оценивает социальные условия активации экономического роста как сложные, неоднозначные и требующие существенной корректировки социальной политики. В то же время есть определенные признаки того, что российское общество начинает проявлять интерес к саморазвитию, консолидации и к более активным социально-экономическим трансформациям. Проявление воли и гибкости, а также превращение социальной политики из политики социальной защиты в политику социального развития дает государству возможность активировать экономический рост, используя социальный запрос на поступательное устойчивое экономическое развитие.

Ключевые слова: социальная среда, количество и качество трудовых ресурсов, общественные настроения, институциональная структура российского социума.

DOI: 10.31857/S020736760015759-3

Неудовлетворительные темпы модернизации экономики, ее стагнация на протяжении последних лет закономерно ставят вопрос в том числе и о социальных причинах торможения экономического и технологического развития России. И здесь представляется весьма продуктивной гипотеза о том, что устойчивое развитие страны возможно только при условии конструктивного взаимодействия сильного государства, выступающего главным стратегом, интегратором и координатором социально-экономических процессов, и сильного развитого общества, способного корректировать деятельность государства [11, 24, 25]. Подобный сложносоставной характер основы устойчивого развития предполагает, что и государство, и общество должны обладать определенными характеристиками. Вопрос о том, что из себя представляют современное сильное государство и качественное государственное управление достаточно концептуально проработан [1, 16]. В практической плоскости ответ на данный вопрос вполне очевиден: на современном этапе в качестве сильного государства принято рассматривать государство, которое обладает стратегическим видением перспектив развития страны, определяет основные параметры этого развития, а также последовательно реализует поставленные задачи посредством эффективной социально-экономической политики.

Однако ответ на вопрос о том, что должно представлять собой общество способное конструктивно уравнивать государство в вопросах устойчивого развития, не так однозначен. Обычно в подобном контексте говорят о гражданском обществе [13]. Однако подобный подход отражает преимущественно только один срез взаимодействия по линии общество – государство, а именно: контроль общества над работой государственной машины и обеспечение соответствующих прав и свобод граждан. В подобном политико-правовом контексте гражданское общество представляет собой своеобразный механизм, регулирующий работу госаппарата через элементы институциональной структуры – партии и другие общественно-политические объединения и организации. Но если в фокусе внимания оказываются социальная среда запуска экономического роста, то на первый план выходят несколько иные, и не менее важные свойства общества, отражающие тот реальный социальный потенциал, на который можно опираться при решении поставленной задачи. Так, во-первых, в контексте активации экономического роста нельзя не учитывать демографические, образовательные и профессиональные характеристики социума. Во-вторых, важным становится наличие общественного запроса на экономический рост и, следовательно, восприятие обществом соответствующих мер социально-экономической политики. В-третьих, оказывается очень важной не только и не столько способность общества к конструктивному взаимодействию с государством, сколько его способность к согласованию интересов внутри самого себя: т.е. на уровне индивидов, различных групп, территориальных и прочих сообществ через разнообразные самоуправляемые и саморегулируемые территориальные, профессиональные, предпринимательские, волонтерские и иные организации и ассоциации. По сути речь идет о тех ресурсах общества, которые следует отнести к понятию «социального капитала» [8].

Переход к модели активирующей экономический рост предполагает оценку социального ландшафта, а также его корректировку в соответствии с обозначенным выше ракурсом. Современная ситуация с эпидемиологическим кризисом и ростом социального напряжения дополнительно актуализирует анализ качественных, количественных, мотивационных и институциональных параметров российского социума, в том числе с точки зрения его готовности взаимодействовать как с государством, так и на уровне отдельных групп или сообществ для решения тех или иных социально-экономических задач. В связи с вышесказанным в данной статье рассматриваются основные характеристики российского общества с точки зрения трудовых и социальных ресурсов обеспечения экономического роста; анализируется динамика общественных настроений с точки зрения запроса на изменения в социально-экономической политике; исследуются основные направления развития институциональной структуры российского общества.

Характеристика российского общества в контексте возможности мобилизации человеческого капитала. Запуск механизма экономического роста предполагает мобилизацию соответствующих ресурсов, в том числе человеческого капитала. И здесь следует признать, что возможности российского общества в этом смысле серьезно ограничены как в количественном, так и в качественном плане.

Российское общество — это общество с убывающей численностью населения. По двум из трех вариантов демографического прогноза Росстата к 2036 году в России будет жить на 2–8% меньше людей, чем сейчас¹. Российское общество — это общество с высоким уровнем демографической старости, продолжающее стареть. По состоянию на 1 января 2020 года, доля россиян, чей возраст превышал 60 лет, составляла 22,4%, а тех, чей возраст превышал 65 лет — 15,5% (в 2002 году данные показатели составляли 18,5% и 13% соответственно). Россия много лет не в состоянии переломить тенденцию низкой рождаемости. Некоторый рост суммарного коэффициента рождаемости, наблюдавшийся в 2006–2015 гг., оказался неустойчивым. Достигнув уровня 1,8 ребенка на одну женщину — что ниже уровня простого воспроизводства населения — суммарный коэффициент рождаемости стал снижаться и по состоянию на 2019 год составил 1,5 ребенка на одну женщину. Даже при сохранении тенденции увеличения ожидаемой продолжительности жизни (в 2020 году данный показатель достиг уровня 73,4 года) трудовые ресурсы России продолжают сокращаться.

Ухудшаются и качественные параметры трудовых ресурсов. Российское образование стало рассматриваться не столько как элемент производственной инфраструктуры, сколько в контексте развития рынка услуг или в контексте общественных благ [28]. Подобный подход привел к недофинансированию образования: соответствующие государственные расходы устойчиво составляют 3,6–4,0% российского ВВП, что недостаточно для обеспечения конкуренции со странами-лидерами в области образовательных технологий²: соответствующие расходы бюджета по отношению к ВВП составляют в Швеции — 7,3%, в США — 6,0%, в Канаде и во Франции — по 5,9%, в Великобритании — 5,4%, в Германии — 5,1% (данные за 2016 год)³.

С одной стороны, российский индекс уровня образования (Education Index), превышает минимальный показатель, принятый среди развитых стран⁴. С другой стороны, индексы большинства развитых стран, а также некоторых стран

¹ <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

² Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Образование», необходимых для выполнения задач, поставленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» утвержден Коллегией Счетной палаты РФ (протокол от 10 сентября 2019 г. № 49К. С. 39.

³ Образование в цифрах: 2020: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина, Н.Б. Шугаль; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» // М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 27.

⁴ Рейтинги стран мира по индексу образования. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index>

бывшего СССР и бывшего социалистического лагеря превосходят российский. Кроме того, российский индекс снижается: в 2019 году он составил 0,832, что позволило России занять 32 место среди 189 стран, участвующих в рейтинге, однако в 2020 году он снизился до 0,823, и Россия опустилась на 39 строчку рейтинга. Серьезные проблемы наблюдаются в сфере подготовки подрастающего поколения к трудовой деятельности. По данным тестирования, проводимого в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA), российские школьники обладают весьма средним уровнем функциональной грамотности: в 2018 году Россия заняла 33 место по естественнонаучной грамотности, 30 и 31 место по математической и читательской грамотности соответственно (в тестировании принимали участие 79 стран)⁵. По мнению специалистов Счетной палаты столь невысокая функциональная грамотность школьников ограничивает их полноценное встраивание в современную экономику и ведет к потерям в размере 10–12% ВВП⁶.

Политика активации экономического роста предполагает выработку мер, компенсирующих количественные и качественные особенности российских трудовых ресурсов. Безусловно, тенденция их сокращения будет отчасти нивелирована процессами роботизации и цифровизации. Однако старение населения на фоне невысокой рождаемости означает ухудшение структуры трудовых ресурсов, рост демографической нагрузки и нагрузки на социальную инфраструктуру, увеличение расходов бюджета на здравоохранение и социальное обеспечение лиц пожилого возраста [3. С. 93]. В совокупности с относительно невысоким качеством профессионального образования это будет снижать экономический эффект от внедрения цифровых технологий.

Частично проблемы снижения объемных и качественных параметров трудовых ресурсов могут быть решены за счет миграции. В целом для России миграционное сальдо является положительным и со странами СНГ, и со странами дальнего зарубежья: по данным Росстата в 2019 году миграционный прирост составил 256,0 и 29,1 тыс. человек соответственно. Однако качество трудовых ресурсов, поступающих к нам на условиях трудовой миграции, невысокое. Например, за период 2017–2020 годов Главное управление по вопросам миграции МВД РФ выдало 468,0 тыс. разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, из которых к категории высококвалифицированных и квалифицированных специалистов относилось 23,4% и 13,6% соответственно⁷. При этом трудовая миграция из России в страны дальнего зарубежья, хотя и является относительно малочисленной,

⁵ Исследование PISA-2018. URL: <https://fioco.ru/pisa-2018>.

⁶ Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта «Образование», необходимых для выполнения задач, поставленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (утвержден Коллегией Счетной палаты РФ (протокол от 10 сентября 2019 г. № 49К (1345). С. 26–27.

⁷ URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/>

во многом носит интеллектуальный характер. Вопрос с определением объема и структуры интеллектуальной миграции пока является открытым из-за несовершенства статистического инструментария и носит во многом характер экспертного мнения, опирающегося на выборочные исследования [10]. Однако, по некоторым оценкам, среди тех, кто въезжает в Россию, доля лиц с высшим образованием составляет порядка 13–17%, в то время как среди россиян, переезжающих в дальнее зарубежье, доля лиц с высшим образованием достигает 70%⁸. Если основные принципы и направления миграционной политики и политики на рынке труда будут сохраняться в прежнем формате, то на улучшение структуры и качества трудовых ресурсов рассчитывать не приходится.

Важнейшим компонентом экономического роста является предпринимательская активность. Согласно докладу «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2018/2019», подготовленному в рамках проекта Global Entrepreneurship Monitor, в каждой стране складывается «уникальный национальный контекст», влияющий на развитие предпринимательства. Например, очень важно как общество относится к предпринимателям и насколько люди готовы рассматривать карьеру в бизнесе как предпочтительный вариант карьерного роста. Важна также уверенность тех, кто интересуется вопросами создания собственного дела, в наличии у них знаний и способностей, позволяющих решить возникающие на этом пути проблемы. Важно и то, насколько хорошо эти люди встроены в необходимые для этого социальные связи. Согласно вышеназванному исследованию для российских респондентов характерны и низкие оценки условий для организации бизнеса, и низкий уровень уверенности в своих предпринимательских способностях, знаниях и навыках. Среди 49 стран, участвующих в проекте, наша страна заняла 45-е место по уровню оценок респондентами условий для создания бизнеса и 47-е место по уровню оценок собственных знаний и навыков, необходимых для этого⁹.

Материалы Глобального мониторинга предпринимательства только подтверждают тот известный факт, что в российском обществе предпринимательские традиции являются более слабыми, чем в странах Запада [14]. Современный российский предприниматель функционирует в условиях диктата естественных монополистов, жесткой конкуренции со стороны зарубежных товаропроизводителей, а в последние годы — западных санкций и сжимающегося платежеспособного потребительского спроса. Эта вполне объективная ослабленность российского бизнеса делает его зависимым от решения властей и заставляет его избегать рисков, в том числе связанных с реализацией инновационных проектов (инновационная активность российских предприятий на протяжении многих лет удерживается на уровне 10%).

⁸ URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/utechka-mozgov-iz-rossii-prevysila-10-millionov-chelovek-1028587894>

⁹ Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2018/2019». URL: https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf. С. 18–28

Перечисленные выше особенности российской социальной среды хорошо известны, и именно на их корректировку направлены приоритетные национальные проекты «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Однако эффект от их реализации будет растянут во времени, в то время как меры активации экономического роста необходимо принимать не откладывая. В этом контексте весьма важным становится учет таких аспектов социальной среды, как общественные настроения и институциональная организация российского общества.

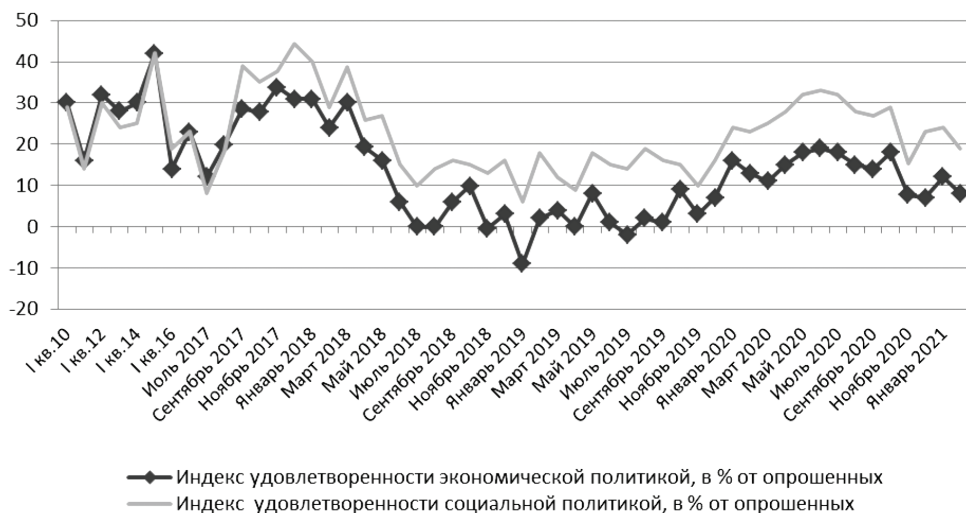
Общественные настроения россиян и их динамика. После восстановительного роста 2000–2008 годов, преодоления экономического кризиса 2009–2010 гг., страна вступила в стадию экономического роста со средними темпами менее 1% в год, что оценивается как стагнация¹⁰. Анализ общественных настроений показывает, что общество в целом разделяет идею перехода в стадию более активного социально-экономического развития и склонно более остро реагировать на отсутствие экономического роста, чем на социальные издержки его запуска. Именно этим можно объяснить тот факт, что, по данным ВЦИОМ, в последние годы удовлетворенность респондентов экономической политикой стала демонстрировать иногда не только низкие, но и отрицательные результаты, а неудовлетворенность экономической политикой стала превышать неудовлетворенность политической социальной. Это обстоятельство является достаточно неожиданным, тем более, что данный разрыв в настроениях стал заметен на фоне запуска пенсионной реформы, весьма отрицательно воспринятой населением (Рис. 1).

Поддержание социальной стабильности, необходимой для запуска экономического роста, предполагает существенные улучшения в двух взаимосвязанных сферах: в сфере доходов населения, темпы роста которых в последние годы были неудовлетворительными (таблица 1), и в сфере социального неравенства, которое, с одной стороны, носит имущественный характер, а с другой стороны, проявляется в отсутствии социальных лифтов и равного доступа всех групп населения к социальным благам, прежде всего, к качественному образованию и медицинскому обслуживанию [7]. Если острота социального неравенства может быть отчасти сглажена в результате реализации приоритетных национальных проектов «Образование» и «Здравоохранение», то кардинальное решение проблемы доходов населения может потребовать особого внимания.

Проблема отсутствия роста реальных доходов населения дополнительно усугубляется динамикой бедности. В 2000–2012 гг. в России происходило сокращение численности лиц, живущих за чертой бедности: в 2000 г. их численность составляла 42,3 млн человек или 29% населения, а в 2012 г. — 15,4 млн человек

¹⁰ URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2019/10/24/1809560.html>; Башкатова А. Российская экономика в структурном тупике // Независимая газета. 2017. 20 ноября. www.ng.ru/economics/2017-11-20/1_7118_economy.html.

или 10,7% населения. Однако с 2013 г. показатели бедности стали расти: в 2015 году за чертой бедности оказались 19,5 млн человек (13,2% населения). Несмотря на то, что данный показатель впоследствии стал снижаться (в 2020 году за чертой бедности находилось 17,8 млн человек или 12,1% населения), динамика показателя наводит на мысль о устойчивости уровня бедности (Рис. 2).

Источник: Данные ВЦИОМ — URL: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei/>

Рис. 1. Индексы удовлетворения социальной и экономической политикой в 2010–2021 гг.
(Индекс = Σ долей положительных оценок и неотрицательных оценок — доля отрицательных оценок, в %)

Таблица 1

Реальные располагаемые денежные доходы населения в 2010–2020 гг.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему периоду	105,9	100,5	104,6	104,0	98,8	97,6	95,5	99,5	100,1	101,0	96,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к 2010 году (темпы прироста)	100,0	100,5	105,1	109,3	108,0	105,4	100,7	100,2	100,3	101,3	97,7

Источник: Данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

Источник: Данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

Рис. 2. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума
(в % от общей численности населения России, 1992–2019 гг.)

Тема бедности воспринимается в российском обществе достаточно неоднозначно. С одной стороны, в общественном сознании россиян причины индивидуальной бедности увязываются преимущественно с асоциальным поведением, наркоманий, алкоголизмом и т.д. С другой стороны, в условиях отсутствия роста реальных располагаемых доходов все понимают, что оказаться за чертой бедности могут многие, и прежде всего семьи с детьми [6]. В то же время проблема реальных доходов, хотя и затрагивает большинство россиян, воспринимается ими не столько в личностном, сколько в социальном плане [21]. В контексте нарастания социального недовольства, подстегнутого современной эпидемиологической ситуацией, любое дополнительное обострение проблемы реальных доходов населения угрожает утратой общественной стабильности.

По данным ВЦИОМ, протестный потенциал в России сравнительно невысок: в феврале 2021 года 14% респондентов ответили положительно на вопрос о том, собираются ли они лично принять участие в протестных выступлениях (минимальный показатель за весь период наблюдений). В то же время, после январских волнений 2021 года произошло некоторое увеличение доли респондентов, разделяющих мнение о вероятности протестных выступлений в той местности, где они проживают: в конце января она составили 35%, а в марте – 28% (для сравнения данные показатели в январе и марте 2020 года составили 26% и 26% соответственно)¹¹.

Не исключено, что более деструктивным в контексте необходимости запуска экономического роста может оказаться не социальный протест, а социальная апатия, трактуемая социологами как проявление общественного нездоровья, свойственного обществу потребления. В России это явление имеет

¹¹ Общественный протестный потенциал. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial>

свое специфическое преломление в связи с несовпадением институционального устройства российской социально-экономической действительности с ценностными ориентирами большинства российского населения, в которых приоритетные позиции занимают социальная справедливость и социальное равенство, понимаемые не как равные доходы, а как равные возможности. Оценить масштабы социальной апатии в российском обществе достаточно сложно: литература, посвященная данной проблеме, фокусируется преимущественно на изучении социального поведения и самочувствия отдельных групп населения. При этом социологи подчеркивают, что опасность социальной апатии как массового явления заключается в том, что оно влечет за собой множество деструктивных социально-экономических последствий, разрушающих экономическую и технологическую безопасность [12, 17]. Согласно исследованиям, среди российской молодежи социальная апатия является достаточно распространенным явлением [9], что потенциально ухудшает трудовую дисциплину и профессиональные качества трудовых ресурсов.

Говоря об общественных настроениях, нельзя не принимать в расчет и то, что россияне склонны смотреть в экономическое будущее нашей страны без особого оптимизма. ВЦИОМ периодически задает респондентам вопрос: «Есть разные точки зрения по поводу экономического кризиса в нашей стране. Как Вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они позади, или еще впереди?». Рассчитываемый на основе полученных данных индекс оптимизма ни разу за прошедшие 30 лет не был положительным, т.е. доля тех, кто уверен, что худшие времена уже позади, всегда меньше тех, кто думает иначе (Рис. 3).

Даже если подобные настроения не имеют под собой реальной основы, они, так или иначе, влияют на принятие множества частных решений, в том числе связанных с рождением детей, инвестициями или созданием собственного дела. Эксперты подчеркивают, что учет экономического оптимизма и пессимизма весьма важен при принятии управленческих решений, в том числе на региональном уровне, поскольку данные о подобных настроениях определяют некий диапазон возможностей выявления субъектов готовых участвовать в реализации тех или иных программ и планов развития [26].

Основные направления развития институциональной структуры российского общества в контексте задачи активизации экономического роста. В настоящее время российское общество продолжает оставаться недостаточно институционально организованным. Россия еще не накопила критическую массу общественных структур, реализующих принципы согласования интересов и солидарности в рамках профессиональных, предпринимательских и иных добровольных ассоциаций, хотя движение в этом направлении идет и соответствующая нормативно правовая база уже создана (Закон о некоммерческих

организациях, Закон о профессиональных союзах, Закон об общественных объединениях, Закон о саморегулируемых организациях и т.д.).

Источник: ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-socialnykh-ozhidanii>

Рис. 3. Динамика доли респондентов, согласных с утверждением, что «самые тяжелые времена еще впереди», и индекса оптимизма

До последнего времени запрос на создание институтов консолидирующих общество являлся недостаточно сильным и со стороны общества, и со стороны власти (не исключено, что именно это является основной причиной медленного развития института местного самоуправления). Однако в свете необходимости формирования социальных условий экономического роста задача развития институтов структурирующих общество, придающих ему одновременно и гибкость, и устойчивость за счет создания алгоритмов и механизмов согласования интересов различных общественных групп, становится весьма актуальной. Представляется, что здесь, прежде всего, следует обратить особое внимание на такие институты, как профсоюзы, социальное партнерство и корпоративная социальная ответственность.

Социальное партнерство традиционно выступает способом организации взаимоотношений бизнеса, наемных работников и государства по вопросам регулирования оплаты и условий труда, а также иных трудовых отношений через взаимодействие предпринимательских и профсоюзных объединений при активном участии государства в качестве арбитра. Именно за счет данного института развитым странам удалось существенно сгладить противоречия между трудом и капиталом. Однако особенность функционирования данного института в России заключается в том, что он возник не в результате естественного хода

событий, а создан искусственно в период острого трансформационного кризиса 90-х годов. Несмотря на наличие формальных атрибутов социального партнерства (Трудового кодекса, коллективных договоров, трехсторонней комиссии, тарифных соглашений, профсоюзов и предпринимательских объединений), вдохнуть жизнь в социальное партнерство не удалось. Российская система социального партнерства так и не превратилась в сколько-нибудь серьезный регулятор социально-трудовых отношений. В контексте проблем с трудовыми ресурсами и доходами населения, которые могут дополнительно обостриться на фоне технологической модернизации, весьма важным становится превращение социального партнерства в реально работающий институт. Для этого необходимо преодолеть инерцию, обусловленную тем, что на протяжении длительного времени в формальном функционировании социального партнерства в той или иной мере были заинтересованы все основные субъекты социально-трудовых отношений. Государственных функционеров устраивало, что социальное партнерство прикрывало реальные «жесткие» механизмы управления социально-трудовой сферой. Слабость социального партнерства устраивала правящую элиту, выступающую за более либеральную систему индивидуальных трудовых контрактов. Бизнес устраивало, что менеджмент вполне самостоятельно мог выстраивать социальную политику предприятий без учета позиции профсоюзов. Профсоюзную элиту устраивало, что она может успешно решать свои узкогрупповые задачи, договариваясь и с руководством компаний, и с государством. Однако важнее всего являлось отсутствие серьезной заинтересованности в деятельности профсоюзов со стороны лиц наемного труда, которые достаточно долго не воспринимали профсоюзы как инструмент отстаивания собственных интересов [23].

Подобное отношение к профсоюзам со стороны наемных работников уходит корнями в советскую эпоху, когда участие профсоюзов в формировании и реализации политики в сфере социально-трудовых отношений зачастую носило номинальный характер, а сами профсоюзы рассматривались работниками как привычный, но во многом бесполезный атрибут. Кроме того, идея коллективного отстаивания интересов была не вполне актуальной в связи с моделью рынка труда, сложившейся еще в ранний постсоветский период. Ее основное содержание заключалось в адаптации рынка труда к внешним шокам через цену труда, а не его количество. Для данной модели характерны: низкая безработица, невысокая основная заработная плата и дополнительные денежные выплаты, которые напрямую зависят от рыночной конъюнктуры и зачастую носят теневой характер. В условиях трансформационного кризиса 90-х гг. для наемных работников было важнее сохранить рабочее место, чем получать стабильно высокий заработок [15, С. 10–16]. Подобная конфигурация рынка обеспечивала относительный социальный мир и достаточно долго устраивала основные заинтересованные стороны, тем более, что по мере

выхода из трансформационного кризиса доходы населения стали постепенно расти, а уровень бедности — снижаться.

Однако, есть основания полагать, что ситуация стала меняться. Во-первых, на фоне стагнирующих реальных доходов данная модель рынка труда перестает устраивать наемных работников, и их отношение к профсоюзам постепенно трансформируется. Пока трудно понять, связана ли эта трансформация с тем, что деятельность профсоюзов стала более эффективной, или работающие по найму почувствовали потребность в институте, представляющим их коллективные интересы, но, по данным ВЦИОМ, отрицательные оценки деятельности профсоюзов стали постепенно сменяться неотрицательными, а затем и положительными (Рис. 4). Специальный опрос ВЦИОМ, проведенный в начале 2019 года, также подтверждает появление у российского населения запроса на реально работающие профсоюзы: 82% опрошенных констатировали, что профсоюзы в нашей стране не играют значительной роли, но при этом 52% респондентов указали, что в современных условиях профсоюзы могут работать эффективно, а 71% заявили о необходимости работы профсоюзов в современной России¹².

Представляется, что запрос на изменение модели рынка труда может возникнуть и у части правящей элиты, поскольку у действующей модели, наряду с плюсами, есть и серьезные минусы, главный из которых — сохранение старых рабочих мест ценой отказа от создания новых. Дальнейшее сохранение действующего формата рынка труда будет означать сохранение технологически отсталых производств [15. С. 25], что вступает в противоречие с идеей технологической модернизации и активации экономического роста.

Источник: Данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/>

Рис. 4. Динамика индекса одобрения деятельности профсоюзов в России в 2006–2021 гг. (в %)

¹² URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9580>

Таким образом, возникает ситуация, позволяющая переформатировать профсоюзное движение в России в соответствии с новой повесткой и на этой основе превратить социальное партнерство в реальный механизм согласования интересов трудящихся и бизнеса. В конечном итоге именно это позволит постепенно заменить существующую модель рынка труда другой, более эффективной, что позитивно скажется на всей социально-трудовой сфере и будет способствовать усилению мотивации российского бизнеса к технологической модернизации производства.

Не исключено, что интерес к социальному партнерству и социальной ответственности может возникнуть и у российского бизнеса. Мировой опыт показывает, что бизнес в своем развитии проходит несколько стадий своего социального позиционирования [18]. Содержанием первой стадии развития бизнеса является создание компании, захват ресурсов и долей рынка. На этой стадии бизнес мало интересуется взаимодействием с обществом. Вторая стадия связана с самооправданием бизнеса перед обществом. Главным содержанием данного этапа является стремление к тому, чтобы общество признало предпринимателя в качестве победителя, прониклось к нему уважением и стало считаться с его правами собственника капитала и материальных активов. На этом этапе успешные представители бизнеса пытаются формулировать миссию своей компании, начинают заниматься спонсорской деятельностью и благотворительностью. На третьей стадии бизнес переходит от самооправдания к развитию конструктивных социальных связей и деловому позиционированию в социальной среде и в обществе в целом. Основным содержанием этапа является поиск консенсуса с обществом и государством и вполне прагматичное социально-ответственное партнерство со всеми заинтересованными сторонами. Основным и наиболее эффективным инструментом позиционирования на данной стадии становятся социальные инвестиции, способствующие оптимизации условий развития самого бизнеса и присущих ему бизнес-процессов [22].

Есть основания предполагать, что определенная часть крупного российского бизнеса в настоящее время либо готовится, либо уже переходит в третью стадию социального позиционирования. Эксперты отмечают, что в последнее время в России проводится значительное количество форумов, на которых крупные компании представляют свои проекты в различных областях корпоративной социальной ответственности, в том числе: перед персоналом в части условий труда и социальной защиты работников, охраны труда, развития человеческого потенциала и корпоративного обучения; перед поставщиками, потребителями, акционерами, государством и другими заинтересованными сторонами и т.д., в целях снижения рисков, связанных с нарушением различных правовых и этических норм (*compliance risks*), вызывающих негативную реакцию контрагентов и общества и отрицательно сказывающихся на деловой

репутации компании; перед местными сообществами в регионах размещения производственных объектов; перед обществом — в сфере экологии [5].

Корпоративные стратегии большинства крупных российских компаний уже содержат специальные разделы по социальной ответственности. Безусловно, это обстоятельство во много связано с тем, что позиционирование крупного российского бизнеса во внешнем мире предполагает присоединение компаний к Глобальному договору ООН, связанному с распространением принципов корпоративной социальной ответственности и с обеспечением устойчивого развития в мировом масштабе. К настоящему времени к данному договору присоединились порядка 50 крупных российских компаний¹³. Социальная ответственность крупнейших российских компаний достаточно мощно проявила себя на фоне эпидемиологического кризиса. В 2020 году российский бизнес не только выделил на борьбу с коронавирусом порядка 30 млрд рублей, что сопоставимо с объемом первого транша федеральной помощи регионам, но и оказал существенную организационную и материальную помощь региональному здравоохранению. Речь идет о таких российских компаниях как Русал, Сбербанк, USM, АФК «Система», Норникель, группа ГАЗ, группа «Альфа», Яндекс Групп, Mail.group, СУЭК и ряд других. Однако подобное поведение свойственно только некоторым крупным российским компаниям, но не среднему и не малому бизнесу. В России, в отличие от развитых стран, налоговое законодательство не предусматривает серьезных налоговых преференций, мотивирующих бизнес соответствующим образом. Если для физических лиц, занимающихся благотворительностью, действует соответствующий налоговый вычет, то юридические лица, занимающиеся благотворительностью, могут получить только освобождение от НДС при передаче услуг и имущественных прав, заплатив при этом налог на прибыль в полном объеме¹⁴.

Нельзя не отметить тот факт, что на фоне борьбы с коронавирусом определенные подвижки в этой сфере все же произошли. В середине 2020 года в Налоговый кодекс были внесены изменения, снижающие налоговую нагрузку на организации и индивидуальных предпринимателей, помогающих социально ориентированным и медицинским некоммерческим организациям, занимающимся борьбой с пандемией. Однако представляется, что расширение участия российского бизнеса в социальных проектах потребует дальнейшей корректировки налогового законодательства. На определенном этапе российские законы предусматривали льготы по налогу на прибыль для юридических лиц, осуществляющих благотворительность. До 2005 года компании имели право тратить на данные цели до 5% своего годового дохода, при этом расходы на благотворительность учитывались как расходы компании, что автоматически снижало сумму налога на прибыль. Но поскольку компании использовали

¹³ URL: <http://www.globalcompact.ru/participants/>

¹⁴ Социальные программы бизнеса. Специальный доклад // Эксперт. 2020. № 23. С. 35–38.

данную льготу как возможность ухода от налогов, в конце концов она были отменена. Не исключено, что на современном этапе целесообразно вернуться к стимулированию корпоративной социальной ответственности через льготное налогообложение прибыли, предусмотрев уголовное наказание за ее неправомерное использование, либо предусмотреть какие-либо иные методы поощрения участия среднего и малого бизнеса в социально значимых мероприятиях и, в частности, в подготовке и переподготовке кадров через расширение масштабов корпоративного обучения персонала.

Безусловно, развитие и укрепление институциональной структуры российского общества не может ограничиться созданием благоприятных условий для развития социального партнерства и корпоративной социальной ответственности. Однако усилия государства по развитию подобных институтов представляются весьма важными в контексте технологической модернизации, поскольку их эффективное функционирование будет способствовать системной нормализации ситуации в сфере социально-трудовых отношений, представляющей собой одну из наиболее проблемных зон российского социума.

* * *

Таким образом социальная среда активации экономического роста в России является сложной и неоднозначной. Российское общество — это общество, которое сравнительно недавно пережило серьезнейший трансформационный кризис. Это общество с серьезными демографическими проблемами, профессиональные и предпринимательские ресурсы которого далеко не оптимальны с точки зрения задач экономической и технологической модернизации. Это общество пока не приобрело необходимую внутреннюю институциональную организованность, позволяющую реализовывать принципы солидарности в рамках профессиональных, предпринимательских и иных добровольных ассоциаций, а также согласовывать интересы различных групп населения. Развитие данного общества на протяжении длительного периода было отягощено рядом проблем, обусловленных принятой моделью социальной политики и ее некомплексным характером. В то же время есть определенные признаки того, что российское общество начинает проявлять интерес к саморазвитию, консолидации и к более активным социально-экономическим трансформациям.

Реализация задачи активации экономического роста в условиях ограниченных возможностей наращивания реальных доходов населения, потребует серьезных изменений в социальной политике. Основным ее содержанием должно стать поддержание социальной стабильности, в том числе за счет расширения системы социальных лифтов и механизмов достижения общественного консенсуса по наиболее острым вопросам социально-трудовой сферы. Для этого потребуется принять целый ряд мер. Во-первых, необходимо, чтобы

политика занятости вернулась к более активным действиям в части формирования трудовых ресурсов через подготовку и переподготовку кадров. Во-вторых, социальная политика должна выйти за узкие пределы поддержки социально уязвимых групп населения, т.е. необходимо отказаться от постепенного сведения социальной политики к политике социальной защиты, наблюдаемого в последние годы и даже получившего свое отражение в названии федеральных ведомств (Министерство труда и социального развития с 2012 года называется Министерством труда и социальной защиты). В-третьих, государственная социальная политика должна включать в себя меры, направленные на формирование институтов самоорганизации граждан в контексте развития консолидированного гражданского общества и повышения устойчивости социально-экономического развития, т.е. включать элементы социального конструирования, связанные с формированием и развитием общественных институтов, способствующих самостоятельному решению обществом тех или иных типов задач. Превращение социальной политики в инструмент социального развития, в том числе за счет укрепления институциональной структуры социума, не только вполне соответствует идеям «формирования гражданской нации» [27] и «коалиций для модернизации» [4], но и мировой практике, когда процесс трансформации социальной политики идет в направлении привлечения дополнительных акторов, в том числе институтов самоорганизации граждан [19, 20]. Проявление воли и гибкости, превращение социальной политики из политики социальной защиты в политику социального развития дает государству возможность активировать экономический рост, опираясь на социальный запрос на поступательное устойчивое экономическое развитие.

Литература

1. *Ананьин О.И., Воейков М.И., Гловели Г.Д., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* На пути к новой экономической теории государства / Под ред. А.Я. Рубинштейна // М.: ИЭ РАН. 2018. 109 с.
2. *Аргунова В.Н., Русь А.А.* Проявление социальной апатии у студенческой молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 89–98.
3. *Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А.* Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 3(89). С. 92–108.
4. *Григорьев Л., Тамбовцев В.* Модернизация через коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 59–70.
5. *Горьковая О.П., Петров А.В.* Социально ответственный бизнес и реализация целей устойчивого развития в России как возможность снижения комплаенс-рисков // Общество. Среда. Развитие. 2019. № 1. С. 32–37.
6. *Елизаров В.В., Сеница А.Л.* Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2. С. 63–75.
7. *Комаровский В.С.* Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. № 1. С. 9–10.
8. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

9. Куликова О.А., Лиманова Н.И. Волонтерская деятельность как механизм преодоления социальной апатии молодежи // Вестник университета. 2018. № 1. С. 168–171.
10. Максимова А.С. Миграция высококвалифицированных специалистов из России: методика оценки и тенденции // Статистика и экономика. 2019. Т. 16. № 3. С. 34–43.
11. Миккульский К.И. Вопросы к нашему будущему // Общество и экономика. 2020. № 12. С. 5–8.
12. Набок Ю.В. Феномен социальной апатии в современном обществе // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук: 09.00.11. Самара, 2005. 16 с.
13. Петров А.В., Жичкина С.Е. Понятие гражданского общества в диалектике прав, тенденция его развития и трансформации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 4. С. 88–95.
14. Петров Ю.А. Российская буржуазия в начале XX века: попытки политической консолидации / Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. // М.: ИРИ РАН. 2000. С. 218–257.
15. Российский рынок труда: тенденции, институты и структурные изменения / Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина // М.: Центр стратегических разработок. ВШЭ. 2017. 148 с.
16. Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. Некоторые аспекты экономической теории государства: Научный доклад // М. 2017. 58 с.
17. Русь А.А. Социальная апатия как проявление общественного нездоровья // Социальная справедливость — основа общественного здоровья / Материалы научно-практической конференции 13 марта 2018 г. // СПб.: Культурно-просветительское товарищество. 2018. С. 183–186.
18. Савина Т.Н. Благотворительность как стадия социального позиционирования бизнеса (возможности, проблемы, перспективы) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 27. С. 58–66.
19. Сидорина Т.Ю. Партнерство государства и институтов самоорганизации граждан в реализации социальной политики (теоретический аспект) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2010. Том 8. № 1. С. 117–129.
20. Сидорина Т.Ю. Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 96–97.
21. Слободенюк Е.Д. Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // СНИСП. 2019. № 4(28). С. 26–38.
22. Смирнова Е.В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса: отношение власти и общества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 39(180). С. 10–14.
23. Соболев Э.Н. Социальное партнерство в России: замыслы, реалии и перспективы // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения, под редакцией В.М. Бондаренко // М.: Институт экономики РАН. 2019. С. 169–170.
24. Сорокин Д.Е. Политическая экономия технологической модернизации России // Экономическое возрождение России. 2020. № 1(63) С. 18–25.
25. Сорокин Д.Е. Главная задача государства — обеспечение приоритетного развития технологий и социальной справедливости // Вопросы политической экономии. 2020. № 1. С. 120–129.
26. Табачникова М.Б., Трещевский Ю.Г., Плугатырева А.А. Анализ экономического оптимизма и пессимизма институциональных групп региона // RJOAS. 2017. № 6. С. 175–183.
27. Цветков О.М. Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение:

философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. С. 189–192.

28. Ярославцева Н.В., Лопуха Т.Л. Российское образование – социальное благо или образовательные услуги // МНКО. 2017. № 1(62). С. 17–19.

Lyudmila Ivanova (e-mail: iva-lusa@yandex.ru)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

SOCIAL ENVIRONMENT FOR ACTIVATING ECONOMIC GROWTH

The article analyses the present state of Russian society in the context of overcoming economic stagnation and activating the mechanism of economic growth. The author examines the possibility of mobilizing human capital; social attitudes and their dynamics; the institutional structure of Russian society, implicating the principles of solidarity and coordination of interests within the framework of various voluntary unions and associations.

The analysis allows the author to define the social conditions for the activation of economic growth as complex, ambiguous and requiring a significant adjustment of social policy. At the same time, there are certain manifestations of Russian society's interest in self-development, consolidation, and more active socio-economic transformations.

The social demand for progressive sustainable economic development being obvious, the government will be able to launch economic growth by shifting from a policy of social protection to a policy of social development, with adequate goodwill and flexibility.

Keywords: social environment, quantity and quality of labor resources, social attitudes, institutional structure of society.

DOI: 10.31857/S020736760015759-3